

КОЛЛЕКЦИОНЕР ТИШИНЫ

МАРИЯ ШИЛОВА

18+

Мария Шилова

Коллекционер тишины

«Автор»

2026

Шилова М.

Коллекционер тишины / М. Шилова — «Автор», 2026

Семь музыкантов пропали без вести. Семь тел нашли в разных концах области. Всех убили одним движением — чисто, будто выключили свет. Следователь Пётр Никитин находит связь: убийца — Маэстро, коллекционер тишины. Он не пытается, не насилует, не издевается. Он просто забирает тех, кто умеет слышать. Но чем ближе Пётр к разгадке, тем яснее он слышит тишину. И однажды понимает: его самого уже выбрали. Тишина бывает разной. Пустой — и полной. Мёртвой — и живой. Какую выберешь ты?

© Шилова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Слышание.	5
Глава 1. Глаза из прошлого	5
Глава 2. Голоса из стен	10
Глава 3. Чужой голос	15
Глава 4. Архив мёртвых звуков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Коллекционер тишины

Часть 1. Слышащие.

Глава 1. Глаза из прошлого

Пётр ненавидел запах дешёвого кофе в полицейских участках. Он был везде одинаковым: горелый цикорий, казённый кипятик и налёт отчаяния на ободке кружки. Сегодня эта вонь въелась особенно глубоко — кажется, даже в воротник его единственного приличного пиджака.

— Ты бы выспался, — сказала начальница, даже не поднимая головы от бумаг. Майор Ветрова не смотрела на подчинённых, когда говорила о банальностях. Только когда дело касалось трупов. — У тебя мешки под глазами размером с вещдоки.

— Спасибо за заботу, Алина Сергеевна.

— Это не забота. Это требование. С такими глазами ты в штатском будешь выглядеть как бомж, а наши подозреваемые бомжей боятся только в том случае, если те вооружены обрезом.

Пётр криво улыбнулся и отхлебнул эту жижу. Вкус был именно таким, как он и предполагал: помой с ноткой пластикового стаканчика. Он работал в убойном отделе уже шесть лет, но до сих пор не привык к трём вещам: к полицейскому кофе, к тому, как быстро разлагается человеческое тело в тёплой квартире; и к взглядам живых родственников.

— Возьми, — Ветрова наконец подняла голову и протянула тонкую папку. Бумажную. Это было странно — сейчас всё переводили в цифру. — Один день. Конфиденциально. Ознакомься и порви.

— Звучит как начало плохого анекдота.

— Скорее как начало твоего кошмара.

Он открыл папку. На первой странице — фотография. Девушка, лет двадцать три, русые волосы, карие глаза. Обычное лицо, которое растворяется в толпе за секунду. Про таких говорят «миловидная», когда хотят быть вежливыми, но не тратить комплименты.

Имя: Алиса Королёва. Студентка консерватории, скрипка. Пропала три недели назад. По статье — без вести пропавшая.

— Обычный пропуск, — Пётр перелистнул страницу. — Почему у меня на столе?

— Потому что её телефон нашли вчера. В подвале дома, который снесли два года назад. А вместе с телефоном — вот это.

Ветрова положила перед ним распечатку. Всего одна строка текста. Скорописный почерк, выведенный на листе, вырванном из медицинского журнала.

«Я забираю только тех, кто умеет молчать. Остальным — голос, но только один раз».

Пётр перечитал трижды.

— Это похоже на манифест.

— Это похоже на эпиграф, — поправила Ветрова. — Потому что это не первая пропавшая по такой схеме. Я подняла архивы за последние два года. Телефоны, блокноты, личные дневники — всё находки из снесённых зданий, заброшенных больниц, старых бомбоубежищ. Всего семь эпизодов. Семь женщин от двадцати до тридцати лет. Все — музыканты.

Пётр ощутил, как кофе встал комом где-то в районе диафрагмы.

— Семь? И никто не связал?

— Связывали, но по-дурацки. Каждый случай вёл отдельный следователь. Тут — район пропажи, там — свои тайные поклонники, тут — муж-ревнивец. Общей картины не было, пока вчера не нашли эту записку. И знаешь, что самое мерзкое?

— Наверняка и половой акцент, и издевательства, и...

— Нет, — перебила Ветрова. — С этим как раз чисто. Экспертиза по первым пяти найденным телам — трупы всплыли в совершенно разных областях, их тоже не связывали — показала: смерть наступила от механической асфиксии. То есть удушения. Без следов сексуального насилия, без пыток, без дополнительных травм. Их просто... убили. Аккуратно. Один приём. Как выключатель нажали.

Пётр положил фотографию Алисы обратно в папку. Ему вдруг стало очень холодно, хотя в кабинете работала батарея на полную мощность.

— И что ты хочешь от меня, Алина Сергеевна?

— Хочу, чтобы ты проехался по адресам. Поговорил с родственниками этих семерых. Нашёл пересечения, которых мы не видим. Неофициально. Денег на командировки нет, времени тоже. Ты у меня единственный, кто читает не только рапорты, но и книги. Иди.

Он встал, забрал папку. На выходе столкнулся в дверях с Костей — молодым опером, который вечно пахнет сигаретами и жвачкой. Запах табака от Кости был таким концентрированным, что Пётр невольно поморщился. Но промолчал — у каждого свой способ держаться на плаву.

— Слышал, тебе дали «висяк», — Костя понизил голос. — Ветрова сказала, дело пахнет керосином.

— Папкой пахнет, — ответил Пётр, пряча документы во внутренний карман пальто. — Старой бумагой и чьим-то отчаянием.

Он вышел на улицу. Сизый ноябрьский воздух облепил лицо мокрой ватой. Закурить, что ли? Пётр потянулся за пачкой в карман, но в последний момент отдернул руку. Год назад он бросил. «Слабаки травят лёгкие, когда не могут занять руки» — сказала тогда Ирина. Спорить с бывшей женой было бесполезно, особенно когда она права. С тех пор каждое утро начиналось с мысли о сигарете, а заканчивалось леденцами и злостью на самого себя за эту никчёмную привычку.

Машина завелась с третьего раза — старенький «Фольксваген», который Пётр называл «Рабочей лошадью». Он включил дворники, стёр с лобового стекла липкий налёт городской грязи и достал список адресов. Первый — мать Алисы Королёвой. Живёт на Юго-Западной. Значит, путь через весь город, сквозь пробки и тоскливые огни торговых центров.

Квартира Королёвых пахла нафталином и сушёными травами. Мать — Антонина Павловна — открыла дверь не сразу. Сначала долго смотрела в глазок, потом дёрнула цепочку, звякнувшую как траурный колокольчик.

— Вы из полиции? — спросила она без надежды.

— Да, Пётр Ильич. Можно войти?

Она была маленькой, сутулой, в платке, повязанном по-деревенски. На вид — за шестьдесят, хотя в документах значилось пятьдесят два. Горе не красит, оно выпивает из человека годы, высасывает цвет из щёк и блеск из глаз.

Внутри царил порядок, который бывает только в домах, где больше никогда не будут шуметь дети. Каждая вещь лежала на своём месте, но это место казалось могильным. На этажерке — несколько фотографий в рамках. Вот Алиса маленькая, с первой скрипкой (инструмент больше неё самой). Вот она на конкурсе, в чёрном платье и с серьёзным лицом. А вот последняя — выпускной в консерватории, Алиса обнимает какую-то девушку и смеётся.

— Садитесь, — Антонина Павловна указала на продавленный диван. — Чаю? Нет, вы, наверное, не за чаем. Вы за новостями.

Пётр сел, положил диктофон на стол открыто — всегда предупреждал о записи, это было его правилом. Можно считать наивным, но он считал, что уважение начинается с мелочей.

— Расскажите об Алисе, — мягко попросил он. — Не как о пропавшей. Как о человеке.

Мать долго молчала. Смотрела в окно, где серая стена соседнего дома была разрисована граффити — огромная сова с красными глазами. Потом заговорила, и голос её звучал как заезженная пластинка — с шипением и щемящей нотой.

— Она не любила шум. Представляете? Скрипачка, а не выносила громких звуков. Всегда затыкала уши в метро. Брала с собой беруши в кино. Говорила, что мир слишком громкий, и только музыка может быть красивой громкостью. Всё остальное — насилие над ушами.

— У неё были враги? Тайные поклонники? Кто-то, кто мог бы...

— Нет. Алиса была ни с кем. Совсем. Друзей — по пальцам пересчитать. Мужчин не водила. Я иногда боялась, что она... ну, понимаете. Что ей нравятся девушки. Но нет, она просто не интересовалась ни теми, ни другими. Говорила, что у неё есть скрипка и этого достаточно для счастья.

Пётр сделал пометку в блокноте: «Асоциальная? Или сверхчувствительная?».

— А что насчёт пропажи? Она кому-то говорила, куда идёт?

— Сказала, что на репетицию. С новым педагогом. Она как раз хотела сменить преподавателя по камерному ансамблю. Старый, знаете ли, совсем замучил её Брамсом. А тут объявился какой-то частник, давал мастер-классы в малой аудитории. Алиса сказала, что он гений. Что он понимает тишину между нотами лучше, чем сами ноты.

— Как звали этого педагога? — Пётр внутренне подобрался.

— Не назвала. Сказала: «Мама, не бойся, это не маньяк, это художник». Ха. Художник. — Антонина Павловна горько усмехнулась, и морщины вокруг её рта стали похожи на трещины в пересохшей земле. — Художник убил мою дочь. Вы это хотите от меня услышать? Убили. Я знаю. Я чувствую каждую секунду последние три недели. Она не вернётся.

Пётр не стал её успокаивать. Ложная надежда — худшее, что можно дать родственнику пропавшего. Он только спросил:

— У Алисы был дневник? Записи? Что-то, куда она могла записывать мысли?

— Был. — Мать встала, прошла к серванту, достала с верхней полки тонкую тетрадь в кожаном переплёте. — Но вы ничего там не найдёте. Это не про парней и ссоры. Это про звуки.

Пётр открыл тетрадь. Тонкий, нервный почерк, чернила с пробелами — будто ручка дрожала или человек замирал на полуслове:

«16 октября. Сегодня в переходе на «Площади Восстания» играл саксофонист. Он фальшивил на верхних нотах, но не это страшно. Страшно, что люди не замечают. Они проходят мимо фальши, как мимо мусора. Я стояла и слушала, и мне хотелось плакать. Никто не учит нас слышать. Говорят, музыка облагораживает. Врут. Она просто показывает, кто ты есть на самом деле: слышащий или глухой».

«22 октября. Новый педагог прислал аудиозапись. Там нет музыки. Только тишина, записанная в заброшенной церкви. Я слушала два часа. В конце мне показалось, что я слышу, как растёт трава сквозь трещины в алтаре. Он сказал: «Алиса, ты готова». К чему — не объяснил».

Пётр закрыл тетрадь. Внутри всё похолодело. Не от мистики — от холодного понимания: этот «педагог» не просто убивал. Он коллекционировал не тела. Он коллекционировал способность слышать.

— Я заберу тетрадь, — сказал он как можно мягче. — Это поможет.

— Забирайте. Всё равно некому читать, кроме меня. А я больше не могу. — Антонина Павловна вдруг всхлипнула, но не заплакала — слёзы кончились недели две назад. — Знаете, Пётр Ильич, я иногда включаю её скрипку. Беру в руки, провожу смычком. Она фальшивит ужасно. Потому что не она играет — я. И в этой фальше — вся моя любовь. Кривая, неправильная, но единственная.

Он не нашёл слов. Просто взял тетрадь, сунул в портфель и вышел.

В машине Пётр долго сидел молча. Потом завёл двигатель и поехал не в участок, а на набережную. Там, у старого склада, где пахло рыбой и мазутом, он достал телефон и набрал единственный номер, который знал наизусть после шести лет работы.

— Привет, — сказал женский голос. Усталый, но тёплый — как плед, которым можно укрыться. — Ты снова смотришь на воду?

— Смотрю.

— Значит, дело тяжёлое. Приезжай, я сварю суп.

— Не могу. Только что разговаривал с матерью пропавшей. Она сказала, что девочка ходила к частному педагогу. Гений тишины. Понимаешь? Человек, который записывал тишину в заброшенных церквях.

В трубке повисла пауза. Ирина — его бывшая жена, с которой они развелись три года назад, но продолжали созваниваться каждую неделю — работала музыкальным терапевтом.

— Подожди, — Пётр нахмурился и сам не заметил, как перешёл на «ты», который они так и не отучились использовать. — Я всё хотел спросить. Что вообще значит «музыкальный терапевт»? Ты никогда не объясняла толком.

Ирина тихо засмеялась — тем смехом, который всегда означала: «ну вот, опять ты за своё, но я не против».

— А ты не слушал. Как обычно. Ладно, сейчас будет ликбез. Музыкальный терапевт — это не тот, кто включает Шопена в палате и умиляется. Это клиническая профессия. Я использую музыку — звук, ритм, мелодию — как инструмент для восстановления психики. Работаю с аутистами, с посттравматикой, с детьми, которые не говорят.

— То есть ты лечишь звуком?

— Не совсем. Я помогаю человеку заново выстроить связь между телом и эмоцией через музыку. Например, если пациент перестал чувствовать страх — я не буду его пугать. Я подберу тембр и громкость, которые заставят его нервную систему отозваться. А ещё я работаю с теми, кто потерял голос. Не физически — душевно.

Пётр молчал, глядя на воду. Серая гладь реки лениво колыбалась под редкими каплями дождя.

— И зачем ты мне это рассказываешь? — спросил он наконец.

— Затем, что твой маньяк, возможно, делает то же самое. Только наоборот. Он не лечит — он заставляет замолкать навсегда. Понимаешь, Пётр, есть такая патологическая чувствительность к звуку. Некоторые люди слышат мир так остро, что каждый лишний шум — как нож. А человеческий голос — самый непредсказуемый инструмент. С ним нельзя играть по нотам.

— И поэтому он убивает музыкантов? — Пётр почувствовал, как холод поднимается от шеи к затылку.

— Не просто музыкантов. Тех, кто умеет слушать тишину. Для такого человека тишина — это высшая гармония. А любой звук, особенно чужой голос — грязь. Он выбрал Алису не случайно. Она сама писала, что ненавидит шум. Понимаешь? Он почувствовал в ней родственную душу. И... возможно, решил избавить её от страданий. По-своему.

— То есть ты считаешь, он действует из жалости?

— Я считаю, он действует из любви. Искривлённой, больной, но любви. К тишине. К музыке. К тем, кто способен эту тишину оценить. И это делает его опаснее любого садиста. Потому что садист хочет причинить боль. А этот хочет подарить покой. И он не остановится.

Пётр выключил звук, чтобы перевести дыхание. Тишина в трубке стала вдруг осязаемой — как вата. Он включил микрофон обратно:

— Ирина... А тот, кто пишет такие записки — «я забираю тех, кто умеет молчать» — он сам-то какой? Как его искать?

— Он одиночка. Скорее всего, мужчина, возраст около сорока. Высокий интеллект, но слабые социальные навыки. У него нет семьи, нет друзей. Всё, что ему нужно — это его коллекция. Он живёт в тишине. Скорее всего, в старом доме, где нет соседей. И он будет наблюдать за тобой. Потому что ты — первый, кто начал задавать правильные вопросы.

— Ты меня пугаешь.

— Нет. Я тебя предупреждаю. Пётр... будь осторожен. И не слушай тишину слишком долго.

Она хотела что-то добавить, но связь прервалась. Или он сам нажал отбой, уже не помнил. Потому что в этот момент он заметил в зеркале заднего вида тень.

Кто-то стоял у фонарного столба, метрах в пятидесяти. Высокий, в длинном чёрном пальто, с поднятым воротником. Лица не разглядеть.

Но он зачем-то поднял руку. Не махнул. Не окликнул. Просто поднял раскрытую ладонь — и замер. Как будто говорил: «Я здесь. Ты начал меня искать. Теперь я буду искать тебя».

Пётр нажал на газ. Машина рванула с места, визжа шинами по мокрому асфальту. Он гнал до самого центра, не оглядываясь, хотя сердце колотилось где-то в горле.

На светофоре, когда руки перестали дрожать, он посмотрел на папку, лежащую на соседнем сиденье. На фотографию Алисы. На листок с фразой: «Я забираю только тех, кто умеет молчать».

И понял одну простую и страшную вещь.

Молчал он сейчас сам.

И его, кажется, уже тоже выбрали..

Глава 2. Голоса из стен

Он не помнил, как доехал до дома. Въехал во двор, заглушил двигатель и ещё несколько минут сидел, вцепившись в руль побелевшими пальцами. В зеркале заднего вида никого не было. Только мокрый асфальт, отражающий жёлтый свет фонарей, и чья-то брошенная тележка из супермаркета у мусорных баков.

«Привиделось, — сказал он себе. — Усталость, кошмарный день, разговор с матерью. Нервы».

Но сам не поверил.

В подъезде пахло кислой капустой и кошачьей мочой — неизменный запах панельных девятиэтажек, где половина жильцов доживает свой век, а вторая половина сдаёт квартиры мигрантам. Пётр поднялся на четвёртый этаж, дважды провернул ключ в замке и зашёл.

Тишина.

Домашняя, привычная, но сегодня она показалась ему враждебной. Будто стены сжимались, высасывая звуки. Щёлкнул выключатель — тусклый свет люстры разогнал только часть темноты. Углы остались серыми.

Квартира была спартанской: диван, стол, стул, на столе — ноутбук, стопка жёлтых папок и кружка с окаменевшими остатками вчерашнего чая. Ни телевизора, ни картин на стенах. Только книжный стеллаж, забитый до отказа. Пётр любил порядок и ненавидел хлам. После развода он вообще старался не загромождать пространство — ни вещами, ни мыслями. Но сегодня мысли заполонили всё.

Он скинул пальто, стянул ботинки и, даже не переодевшись, сел за стол. Достал папку Ветровой, тетрадь Алисы и маленький диктофон — свою привычку фиксировать всё, что может пригодиться.

«Начни сначала, — мысленно приказал он себе. — Забудь про тень. Работай».

Он открыл дневник Алисы Королёвой на первой странице и начал перечитывать, теперь уже медленно, почти занудно, впиваясь в каждую букву. Почерк был странным — не женским, не витиеватым, а каким-то... озвученным. Будто она не просто писала, а записывала ноты. Там, где мысль обрывалась, стояло многоточие. Где нарастало напряжение — восклицательный знак, но не один, а наклонный, как смычок.

«10 сентября. Сегодня профессор сказал: «Алиса, у тебя идеальный слух, но ты играешь, как калькулятор. Нужно чувство». А что он понимает в чувстве? Чувство — это когда я выключаю свет и слушаю, как дышат вещи. Холодильник. Часы. Сосед сверху, который ходит в тапочках, но я всё равно слышу каждый его шаг. Мир не молчит, он просто говорит тихо. И только я это слышу. Это не гордость. Это... одиночество».

Пётр отложил тетрадь и потёр переносицу. «Одиночество», — повторил он про себя. Это слово било в цель. Алиса была «слышащей» в мире глухих. И кто-то пришёл и сказал ей: ты не одна. И она повелась. А потом этот кто-то сказал: ты готова. И перестал говорить вовсе.

Он достал вторую папку — ту, что дала Ветрова, с семью эпизодами. Открыл досье на первую жертву. Вероника Савельева, 25 лет, флейтистка. Пропала год и два месяца назад. Найдена... Пётр пробежал взглядом по строчкам. Тело обнаружили в реке за двести километров от города. Экспертиза: механическая асфиксия. Ни следов борьбы, ни дополнительных травм. Аккуратно. Как выключатель.

Он включил компьютер и в поисковой строке набрал: «Вероника Савельева флейта». Выскочила старая статья из городской газеты — конкурс молодых исполнителей. Фотография: девушка с длинными тёмными волосами, в белой блузке и с такой же, как у Алисы, отрешённой улыбкой. «Победительница в номинации „Камерный ансамбль“». Он нашёл видео на YouTube.

Запись выступления: Вероника играет Баховскую сонату. Глаза закрыты, тело слегка раскачивается. Она не смотрит в ноты — она слушает что-то внутри.

Пётр замер, когда услышал, как на заднем плане, до начала выступления, кто-то произносит: «Сделайте звук тише, она не любит громко». Голос — мужской, спокойный, почти ласковый.

Кто сказал? Организатор? Преподаватель? Или тот, кто вёл её за кулисы?

Он переслал ссылку экспертам с пометкой: «Очистить фоновую аудиодорожку, выделить голос». Но понимал, что это надолго. Экспертиза областная, очередь — месяц. А у него нет месяца.

В дверь позвонили.

Три коротких звонка. Пётр напрягся — в двенадцатом часу ночи к нему никто не приходил. Он двинулся к двери, на ходу вспоминая, где положил табельное оружие. В сейфе. А ключ? В кармане куртки. Идиот.

— Кто там? — спросил он, не открывая.

— Открой, не бойся. Это по делу.

Голос — молодой, звонкий, женский. Незнакомый.

— Назовитесь.

— Журналистка. И у меня есть то, что вы ищете. Про Алису.

Пётр открыл. На пороге стояла девушка лет двадцати пяти, в короткой дублёнке и вязаной шапке с помпоном, из-под которой выбивались рыжие, не расчёсанные после ветра волосы. Она тяжело дышала — будто бежала или нервничала. В руках — старый диктофон, чёрный, поцарапанный, из тех, что вышли из употребления лет пять назад.

— Вы Пётр Ильич? — спросила она, заглядывая ему в глаза. Свои — зелёные, широко посаженные — она не прятала.

— Я. Заходите.

Он пропустил её внутрь, закрыл дверь. Девушка прошла на кухню, огляделась, но садиться не стала. Прислонилась к подоконнику, положила диктофон на стол.

— Меня зовут Лена. Елена Ветрова. Алина Сергеевна — моя тётя. Это она дала мне ваш адрес. Сказала, что если я хочу помочь — только через вас и ни через кого больше.

Пётр выдохнул. Ветрова — начальница — не предупредила. Значит, доверяет. Или проверяет.

— Ладно, Елена. Что за диктофон?

— Мой. Точнее, он моего отца. Папа был звукорежиссёром на радио. Умер три года назад. Перед смертью он монтировал один семинар для студентов консерватории. Тема — «Тишина как музыкальный приём». Вёл семинар мужчина, имени своего он не называл, все обращались к нему «Маэстро». Папа записал всё на этот диктофон, потом перегнал на цифру, а оригинал оставил в столе. Я нашла его две недели назад, когда разбирала бумаги.

— И что на записи?

— Сами послушайте. — Она кивнула на диктофон. — Только осторожно. Там есть момент... меня до сих пор мурашки по коже.

Пётр взял диктофон. С ним обращаться — как с оружием. Нажал воспроизведение.

Сначала шипение. Потом голос — мужской, негромкий, с бархатными обертонами. Без возраста. Без акцента. Так мог говорить преподаватель актёрского мастерства, диктор или... проповедник.

«...вы думаете, что музыка начинается с ноты. Нет. Она начинается с молчания. До того, как композитор поставил первую паузу, до того, как дирижёр поднял палочку — была тишина. И в этой тишине — все возможные ноты. Все возможные голоса. Но мы их не слышим, потому что привыкли заполнять пустоту шумом. А настоящий музыкант... настоящий музыкант не

играет. Он слушает тишину и только иногда, украдкой, добавляет звук, как специю. Потому что звук — это грязь. Но если грязи мало, она становится драгоценной».

Голос сделал паузу. А потом произнёс фразу, от которой у Петра свело живот:

«Я знаю, что среди вас есть те, кто слышит. Вы не одиноки. После лекции подойдите ко мне. Я научу вас не бояться тишины. Я научу вас любить её так, как любят единственного человека. И тогда вы поймёте... иногда, чтобы сохранить красоту, нужно убрать всё лишнее. Навсегда».

Запись оборвалась.

— Это он? — спросила Лена, глядя на Петра. Губы у неё дрожали, но она держалась. — Тот самый, который убивает?

Пётр не ответил. Он прокрутил запись ещё раз. Вслушался в интонации. Никакой агрессии. Никакого надрыва. Спокойствие, от которого стыла кровь. Человек говорил о тишине так, как другие говорят о любви. И в этом было его безумие — чистое, отточенное, как бритва.

— Елена, — сказал он, откладывая диктофон. — Ваш отец не говорил, как звали этого Маэстро? И где проходил семинар?

— Нет. Но у меня есть программа. — Она достала из кармана дублёнки сложенный вчетверо листок. — Папа иногда клеивал такие в свои рабочие папки. Смотрите.

Пётр развернул. Обычный офисный лист, распечатка на чёрно-белом принтере. Программа семинара «Тишина как музыкальный приём», дата — два года назад, место — малая аудитория Седьмой музыкальной школы, на окраине города. Ни фамилии лектора, ни контактов. Только пометка от руки в углу: «Маэстро — частник, рекомендовала кафедра».

— Я звонила в ту школу, — сказала Лена. — Директор сменился, старые документы не сохранились. Никто не помнит никакого семинара. Будто его и не было.

— Был, — Пётр поднял глаза. — Просто кто-то очень постарался, чтобы о нём забыли. И этот кто-то — ваш Маэстро.

Он убрал диктофон и программу в папку. Потом посмотрел на Лену — на её выцветшие джинсы, дешёвые кроссовки, на её упрямый подбородок. Журналистка, значит. Без глянца, без блеска, но с диктофоном покойного отца.

— Почему вы этим занимаетесь? — спросил он прямо. — Почему не отдали запись в полицию обычным порядком?

— Потому что я хочу быть полезной, а не ещё одной заявкой в очереди. — Лена усмехнулась. — И потому что моя старшая сестра училась в консерватории. Она пианистка. И она тоже... она говорит, что иногда чувствует, будто кто-то смотрит на неё в окна. А в прошлом месяце она нашла под дверью записку. Там было написано: «Твоя музыка фальшива, но тишина твоя прекрасна. Приходи, я помогу».

Пётр замер.

— Записка у вас?

— Сестра выкинула. Испугалась. Но я сфотографировала. — Лена протянула телефон. На экране — снимок клочка бумаги. Почерк тот же, что на листке из медицинского журнала, найденном в подвале. Те же наклонные буквы, та же небрежная, нарочитая простота.

«Твоя музыка фальшива, но тишина твоя прекрасна. Приходи, я помогу».

— Вашу сестру зовут? — спросил Пётр.

— Марина. Марина Ветрова. Она уехала к подруге в Тверь на месяц. Я настояла. Сказала — не возвращайся, пока я не разберусь.

Пётр медленно кивнул. Внутри закипало холодное, методичное бешенство — то самое, которое помогало ему не срывать на родственников и не бить стены.

— Елена, вы оставляете мне диктофон и фотографию. Сами завтра же уедете из города. К сестре. Или куда-нибудь ещё, где нет консерватории, музыки и тихих незнакомцев. Это не просьба. Это требование.

— Но я могу помочь! — вспыхнула Лена.

— Уже помогли. Дальше — моя работа. — Он встал, давая понять, что разговор окончен. — Алина Сергеевна меня убьёт, если с вами что-то случится. А я пока не готов умирать. Да и вы, я думаю, тоже.

Лена хотела возразить, но передумала. Поджала губы, кивнула и направилась к двери. На пороге обернулась:

— Вы осторожнее. Он не просто маньяк. Он... я слушала эту запись сотню раз. Он верит в то, что делает. А люди, которые верят — они не останавливаются. Они идут до конца.

— Я знаю, — тихо сказал Пётр.

Дверь за ней закрылась. Он снова остался в тишине. Но теперь эта тишина была не пустой — она была полной. Полной голосов. Алисиных записей в дневнике, речи Маэстро на диктофоне, звона шайбы от старой тележки под окном.

Пётр подошёл к окну. За занавеской — двор, пустой и тёмный. И никого у фонарного столба. Но он знал — этот человек где-то рядом. Смотрит. Слушает. Ждёт.

Он взял телефон, набрал Ирину. Та взяла трубку после первого гудка — будто и не спала.

— Он был в твоём городе два года назад, — сказал Пётр без приветствия. — Читал лекцию в музыкальной школе. О тишине. Я слушал запись. Он говорит, что звук — это грязь, а тишина — чистота. И что иногда, чтобы сохранить красоту, нужно убрать всё лишнее.

— Это уже след, — голос Ирины был хриплым со сна, но моментально собранным. — Запроси списки преподавателей и слушателей за тот период. Не официально, конечно. И Пётр...

— Что?

— Он не считает себя убийцей. Такие всегда убеждены, что они садовники, удаляющие сорняки. Ты заметил, какую лексику он использует? «Убрать всё лишнее», «сохранить красоту». Это не речь палача. Это речь садовника. И его не остановит угроза тюрьмы. Потому что он уверен: он делает мир лучше.

— Я не садовник.

— Ты полицейский. Это почти то же самое. Только ты удаляешь сорняки по закону. А он — по велению сердца. Но будь осторожен. Если он понял, что ты его слышишь... он захочет, чтобы вы слушали тишину вместе.

Пётр хотел ответить, но в трубке вдруг раздался странный звук — ровный, низкочастотный гул. Будто кто-то дунул в микрофон.

— Ира? — позвал он.

— Я слышу, — сказала она. — Это не у меня. Это у тебя. У тебя в квартире кто-то есть.

Пётр замер. Потом медленно, очень медленно повернулся. В коридоре, у вешалки, висело его пальто. И из кармана пальто, куда он сунул диктофон Лены, раздавался ровный, пульсирующий звук. Кто-то активировал запись удалённо.

Или никогда её не выключал.

Он подошёл к пальто, вытащил диктофон. На маленьком экране горело: Запись. Идёт передача сигнала. Приёмник неизвестен.

Пётр вырвал батарейки. Звук оборвался. Но осадок остался — холодный, липкий, как утренний туман.

Сигнал передавался. Прямо сейчас. Всё, что он говорил Лене. Всё, что он сказал Ирине по телефону. Возможно, это слушал кто-то третий.

Он поднял глаза на окно. За стеклом — никого. Но на подоконнике, аккуратно придавленная камнем, лежала белая визитка. Её не было, когда он смотрел двадцать минут назад.

Пётр открыл раму, взял карточку. На плотной матовой бумаге — ни имени, ни номера. Только одна фраза, отпечатанная старомодным шрифтом:

«Вы слышите меня. А я вас — всегда. Маэстро».

Глава 3. Чужой голос

Утро пришло не через окно — через зубную боль в затылке и противный, настойчивый звонок телефона. Пётр не помнил, как уснул. Кажется, он сидел за столом, положив голову на папку с досье, и провалился в чёрную, без сновидений, яму. Телефон орал уже в третий раз.

— Да, — прохрипел он, не глядя на экран.

— Ты живой? — голос Ветровой был ледяным, как всегда по утрам. — У меня тут племянница звонила, Ленка. Говорит, ты ей приказал валить из города. Молодец. Но сама она, зараза, не уехала. Сидит в общежитии и строчит статью про «консерваторского душителя». Я её приблю.

Пётр сел, потёр лицо. На столе всё ещё лежала белая визитка. «Вы слышите меня. А я вас — всегда. Маэстро».

— Алина Сергеевна, у нас проблема серьезнее, чем ваша племянница. Этот «Маэстро» знает, где я живу. Он оставил визитку на моём подоконнике. Ночью. Пока я был дома.

Ветрова замолчала. Надолго. Пётр слышал только её дыхание — редкое, тяжёлое.

— Ты ведёшь себя осторожно?

— Стараюсь.

— Этого мало. — Она понизила голос. — Я подняла архивы по Седьмой музыкальной школе. Два года назад там действительно проводился семинар для одарённых детей и студентов. Это в нашем городе, на окраине. Организатор — некий благотворительный фонд «Абсолютный слух». Фонд зарегистрирован на подставное лицо, счета пустые, закрылся через месяц после семинара. Участников — около тридцати человек. Директор школы тогда быстро уволился, новый ничего не помнит. Но осталась завуч, которая там работала двадцать лет. Сегодня у неё окно между вторым и третьим уроком. Поезжай, поговори.

— Понял.

— И Пётр... — Ветрова вдруг выдохнула по-человечески, убрав служебную интонацию. — Ленка сказала, что ты на неё накричал. Спасибо. Но если с тобой что-то случится, я твою квартиру в мусор перерою. Будь аккуратен.

Она бросила трубку. Пётр усмехнулся — Ветрова умела говорить «спасибо» только через угрозы.

Он быстро собрался: накинул пальто, сунул в карман диктофон, блокнот и пистолет. Машина завелась с пол-оборота — сегодня везло. Седьмая музыкальная школа находилась на другом конце города, в районе, который местные называли «Глушь». Дорога заняла около сорока минут: сначала центр с пробками, потом пустыри и железнодорожные пути.

Школа оказалась двухэтажным зданием из красного кирпича, с облупившимися колоннами и мемориальной табличкой в честь композитора, которого никто не помнил. Двор был пуст, только редкие прохожие торопились мимо.

Внутри пахло линолеумом и старой древесиной. Пётр нашёл канцелярию и попросил проводить его к завучу. Секретарша, пожилая женщина в очках, кивнула и указала на лестницу.

Кабинет завуча оказался тесной комнатёнкой с высокими потолками, заставленной нотами и портретами классиков.

Ирина Михайловна — маленькая, сухонькая женщина с седыми кудряшками и острым взглядом — встретила его настороженно, но без страха.

— Вы по поводу семинара? — спросила она, жестом приглашая сесть. — Я уж думала, никто не придёт. Новый директор знать ничего не знает, а старый уволился сразу после той истории. Я одна здесь, кто всё помнит.

— Расскажите, — попросил Пётр, доставая блокнот.

— Благотворительный фонд «Абсолютный слух». Приехали, провели день, уехали. Деньги перечислили на счёт школы. Вёл семинар мужчина, имени своего не называл — все обращались к нему «Маэстро». Очень талантливый, очень убедительный. Студенты его слушали открыв рот. И некоторые педагоги тоже.

— Список участников сохранился?

— А как же. — Ирина Михайловна достала из нижнего ящика стола потрёпанную папку. — Я всё храню. Новый директор говорит: «Зачем, срок вышел». А я не выбросила. Девочки, мальчики... многие потом стали известными. Некоторые — нет.

Пётр взял папку. Тридцать два имени. Он быстро пробежал глазами. Алисы Королёвой в списке не было — она пришла бы позже, частным образом. Но Вероника Савельева — была. И ещё две фамилии из досье Ветровой.

— Ирина Михайловна, вы не помните, кто из этих участников потом пропал?

Завуч побледнела, сняла очки и стала медленно протирать их платком.

— Вероника... — тихо сказала она. — Вероника Савельева. Я читала в новостях. Её нашли в реке. И ещё Егор Морозов. Мальчик, виолончелист. Через месяц после семинара он... умер. Сказали, несчастный случай.

— Егор Морозов? — Пётр замер. — А в списке есть Елена К.?

— Елена Ковальчук, виолончель. Она жива, преподаёт в соседнем городе. А Егор... — Завуч нахмурилась. — Его в списке участников не было. Он пришёл как слушатель. Сидел в последнем ряду. Очень тихий мальчик, большеглазый. Я запомнила, потому что он потом подошёл к Маэстро и долго о чём-то говорил. А Маэстро погладил его по голове. Как сына.

— Вы не помните, что именно говорил Егор?

— Нет. Я стояла далеко. Но потом Егор перестал ходить на занятия. А через месяц — смерть. Сказали, задохнулся в подвале, играл и задохнулся. Несчастный случай.

Пётр записал имя Егора Морозова.

— Спасибо, Ирина Михайловна. Вы мне очень помогли.

— Найдите его, — сказала завуч, глядя в окно. — Того, кто это сделал. А то страшно стало. Дети музыку любят, а мы не знаем, кто из них следующий.

Пётр вышел на крыльцо школы. Моросил дождь. Вдалеке, у пустыря, стояла чёрная машина без номеров. Он заметил её краем глаза, но когда повернул голову — машина уже уезжала, утопая в серой пелене.

«Спокойно, — сказал он себе. — Машины как машины».

Но рука сама потянулась к внутреннему карману куртки, где в кобуре лежал пистолет

Он смотрел, как детектив выходит из школы. Жалкая машина, дешёвое пальто, мешки под глазами. И этот взгляд — колючий, ищущий. Таким взглядом смотрят люди, которые не умеют слушать. Они всё пытаются что-то «увидеть». Глупцы. Истина всегда в звуке.

Маэстро убрал руку с руля, выключил двигатель. Он не гнался за Петром. Зачем? Он и так знал, куда тот поедет. Волжск — соседний областной город. Мать флейты. Это правильно. Пусть копает. Чем глубже он зароется в шум чужих голосов, тем отчётливее услышит тишину.

«Ты ещё не понял, следовательно. Мы с тобой играем в одной оркестровой яме. Только ты — медные духовые. А я — пауза. Самая длинная. Самая чистая».

Он достал из бардачка скрипичный ключ — маленькую бронзовую подвеску. Такие раздавал на семинаре тем, кто согласился войти в «Квартет тишины». Детям. Трое уже не носят свои ключи. Четвёртый — у пианистки. Но она уехала. Временно.

Маэстро улыбнулся и нажал на педаль газа. Чёрная машина бесшумно растворилась в тумане.

Дорога до Волжска заняла два часа. Город встретил его низкими облаками и запахом реки. Пётр почти не слушал музыку — только звук дождя по крыше и редкие гудки дальнотбойщиков. Мысли возвращались к одному: как Маэстро выбирает? Зачем он убивает, если искренне считает себя «садовником»? И где грань между спасением от шума и уничтожением?

Дом Савельевых стоял на окраине — деревянный, с резными наличниками, но запущенный. Крыша просела, краска облупилась. За забором — пустой огород и старая берёза с обломанной веткой.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, в чёрном платке и застиранном халате. Глаза — красные, опухшие, смотрящие сквозь.

— Вы из полиции? — спросила она без удивления. — Заходите. Только мужа не трогайте. Он в запое.

— Соболезную, — тихо сказал Пётр, переступая порог. Внутри пахло перегаром, старой капустой и горем — тем особенным, въедливым запахом, который не выветривается годами.

— Не надо соболезновать. — Женщина села на табурет, сложила руки на коленях. — Вы про Веронику. Я знала, что приедете. Только поздно. Год уже прошёл. Её нашли мёртвой, я схоронила. Чего ещё?

— Расскажите о ней. Пожалуйста.

Мать Вероники, Зоя Андреевна, заговорила голосом, в котором не было слёз — одна сухая, как песок, память.

— Она была тихая. С детства. Игрушки не ломала, не кричала. Когда первый раз услышала флейту в три года — замерла и слушала полчаса, не шевелясь. Я испугалась. Думала, что-то с головой. А оказалось — слух абсолютный. Музыкальная школа, потом училище, потом консерватория. Все говорили: «Ваша дочь — гений». А я видела: она не гений, она... другая. Не от мира сего. Людей боялась. Звуки резкие — боялась. Как-то раз фейерверк был, она в подвал убежала и три часа оттуда не вылезала.

— У неё были друзья? Молодые люди?

— Нет. Только флейта и преподаватель. Старый, из училища. Он её понимал. Она ему верила. А потом этот... новый появился. — Зоя Андреевна скривилась, будто лимон надкусила. — Не назвался даже. Звонил будто бы по объявлению — давал мастер-классы. Вероника сказала: «Мама, он такой, как я. Он тоже слышит тишину. Он говорит, что я могу больше, чем просто играть. Я могу стать частью искусства».

— Частью искусства? — переспросил Пётр.

— Именно так. «Частью». Я её спрашиваю: «Дочь, что это значит?» А она улыбнулась так... спокойно. Сказала: «Тишина — это тоже музыка. Самая главная. И я хочу быть в ней навсегда». Через неделю она ушла на репетицию и не вернулась. А потом её нашли в реке.

— Она говорила про какой-то проект? «Квартет тишины»?

Зоя Андреевна подняла голову, и в её глазах мелькнуло нечто — ужас пополам с надеждой.

— Откуда вы знаете? Она сказала перед уходом: «Мама, меня пригласили в „Квартет тишины“. Это великая честь. Я наконец-то буду не одна». Я спросила, кто ещё в квартете, она сказала: «Те, кто уже согласился. Скрипка, флейта, виолончель и фортепиано». Четыре инструмента. Четыре музыканта. Я потом нашла у неё в тетради список. Не знаю, зачем она его написала. Может, просталась.

— Список сохранился?

Зоя Андреевна встала, прошла к старому комоду, достала выцветшую тетрадь в клетку. Открыла на странице, где аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено:

«Квартет тишины»

Алиса К. — скрипка

Вероника С. — флейта

Елена К. — виолончель

Марина В. — фортепиано

Пётр медленно выдохнул. Три из четырёх уже мертвы или пропали без вести. Вероника — труп, Алиса — пропала (скорее всего, тоже мертва), Елена К. — неизвестна, но, судя по досье, тоже жертва. Оставалась только Марина Ветрова — сестра Лены и племянница начальницы, пианистка, которой Маэстро уже оставил записку.

— Можно я сфотографирую?

— Забирайте, — махнула рукой Зоя Андреевна. — Мне это не нужно. Всё равно не вернуть.

Он сфотографировал страницу, поблагодарил и вышел. На крыльце его догнал хриплый мужской голос:

— Стой.

Из-за угла дома вышел мужчина — неряшливый, в засаленной майке, с опухшим лицом и трясущимися руками. Отец Вероники. Он тяжело опирался на костыль.

— Ты ментам помогаешь? — спросил он, сплёвывая. — Они дочь мою не нашли. Год искали. А теперь пришли, когда она уже в земле. — Пётр заметил дешёвую бутылку, торчащую из кармана его штанов. Запах перегара был невыносимым.

— Я помогаю найти того, кто это сделал, — спокойно ответил Пётр.

— Сделал? — Отец засмеялся — страшно, с кашлем. — Никто не делал. Она сама ушла. Сама хотела в эту свою «тишину». А вы все — ищейки. Только душу травите. Убирайся.

Пётр молча развернулся и пошёл к машине. Спорить с пьяным горем было бесполезно.

В машине он ещё раз посмотрел на список. Четыре имени. Четыре инструмента. Одну он уже знал по документам и рассказам Лены — Марину Ветрову. Пётр набрал номер Лены.

— Елена, ваш адрес в Твери? — спросил без приветствия.

— А что случилось? — голос Лены был настороженным.

— Ваша сестра в опасности. Немедленно свяжитесь с ней и скажите, чтобы никуда не выходила одна. И не слушала незнакомцев. Особенно тех, кто предлагает «тишину».

— Вы меня пугаете.

— Правильно делаю. — Он сбросил звонок и поехал обратно в свой город.

Всю дорогу в зеркале заднего вида маячила одна и та же чёрная машина. Не приближалась, не отставала. Держалась ровно на расстоянии двухсот метров. Пётр проверил — номера не было ни спереди, ни сзади. Он нажал на газ, выжал сто пятьдесят, свернул на заправку — машина проехала мимо и исчезла за поворотом.

На заправке он купил бутылку воды, выпил залпом, умылся ледяной водой из уличного крана. В голове прояснилось.

Он достал телефон и увидел пропущенный вызов от Ирины и эсэмэску: «Перезвони. Нашла кое-что про Егора Морозова».

Пётр набрал её номер. Ирина взяла трубку сразу.

— Егор Морозов, тринадцать лет, виолончель. Он действительно умер в подвале заброшенного театра. Но в деле, которое я раскопала через знакомых, сказано: механическая асфиксия. То же самое, что у твоих жертв. Только его оформили как несчастный случай — якобы упал и задохнулся. И знаешь, что ещё?

— Что?

— Он был левшой. И на его левой руке — странный след. Как будто бронзовая подвеска отпечаталась. Скрипичный ключ.

Пётр закрыл глаза. Всё сходилось. Егор был первой пробой. Мальчик, который пришёл на семинар слушателем, поверил Маэстро и стал его первой жертвой. А после этого Маэстро

понял — можно брать не только детей, можно брать взрослых музыкантов. И он начал собирать свой «Квартет тишины». Но Егор остался в тени — никто не связал.

— Ира, ты уверена насчёт следа?

— Экспертиза была, но её спрятали. Дело закрыли за отсутствием состава. Кто-то очень постарался.

— Значит, у Маэстро есть друзья в системе.

— Или он сам работает в системе. Или очень хорошо платит.

Пётр выключил звонок. В салоне стало тихо. Он посмотрел на пассажирское сиденье — там лежала визитка Маэстро. «Вы слышите меня. А я вас — всегда».

Он взял визитку, перевернул. На обратной стороне, тонкой иглой или скрепкой, было нацарапано: «Ты следующий, следователь. Не фальшивь».

Этой надписи не было утром.

Пётр медленно положил визитку обратно в карман. Он достал пистолет, проверил магазин — полный. Сунул обратно в кобуру.

Завтра он поедет в архив. Искать дело Егора Морозова. И выяснять, кто его закрыл.

Потому что теперь стало ясно: Маэстро — не новичок. Он охотится уже больше двух лет. Может, гораздо дольше.

И он не остановится, пока его коллекция не будет полной.

Глава 4. Архив мёртвых звуков

Утро началось с того, что Пётр проснулся в кресле, не разуваясь. Шея затекла, во рту — вкус вчерашнего кофе и тревоги. Он посмотрел на часы: половина седьмого. За окном ещё темно, но город уже шумел. Где-то далеко сигналила скорая.

Визитка лежала на столе, придавленная кружкой. Он перевернул её ещё раз, хотя надпись знал уже наизусть: «Ты следующий, следователь. Не фальшивь».

— Посмотрим, кто здесь фальшивит, — пробормотал он и пошёл умываться.

Сегодня он решил начать с архива. Вчера Ирина сказала про дело Егора Морозова — тринадцатилетнего виолончелиста, которого задушили в подвале и оформили как несчастный случай. Если найти это дело, можно выяснить, кто его вёл, кто подписал заключение, а главное — есть ли связь с Маэстро.

Областной архив располагался в старом здании на площади Труда. Пётр припарковался у серой громады с колоннами и лепниной, которую никто не реставрировал лет тридцать. На входе его встретил запах пыли, сургуча и формалина — так пахнут документы, пережившие войны и переезды.

В читальном зале никого не было, кроме сонной смотрительницы в очках с толстыми линзами.

— Мне нужны материалы следственного отдела за период двухлетней давности, дело с пометкой «несчастный случай» на несовершеннолетнего. Фамилия Морозов, — сказал Пётр, показывая удостоверение.

Смотрительница покопалась в компьютере, пару раз переспросила фамилию, потом кивнула:

— Есть такое. Только оно в старом фонде, бумажное. Придёте через час.

— Жду.

Пётр сел у окна, достал телефон. Написал Ирине: «Еду в архив. Что ещё знаешь про Егора?» Ответ пришёл через минуту: «Мать умерла через год после него. Отец в психушке. Никто не вступался. Лёгкая мишень».

Лёгкая мишень. Пётр убрал телефон. Если Маэстро выбирает таких — одиноких, неслышанных, «проблемных», — то он не просто убивает. Он исполняет приговор, который никто не выносил.

Через час смотрительница принесла тонкую папку в истрёпанной обложке. На корешке — номер и дата. Пётр открыл её дрожащими пальцами.

Первое, что он увидел, — фотография мальчика. Егор Морозов, тринадцать лет, тёмные кудри, большие карие глаза. На снимке он держал виолончель, почти такую же большую, как он сам. На обороте от руки написано: «Лауреат конкурса юных дарований, 2022».

Пётр перевернул страницу. Акт осмотра места происшествия: подвал заброшенного театра, дверь не заперта, труп обнаружен через двое суток. Причина смерти — механическая асфиксия. Особые приметы: на левом запястье отпечаток в виде скрипичного ключа (бронзовая подвеска).

То самое, о чём говорила Ирина.

Он быстро пролистал показания свидетелей. Соседи, учителя, одноклассники — все говорили одно: мальчик был замкнутым, гениальным, «не от мира сего». Исчезал на несколько часов, играл в заброшенных зданиях, потому что там «хорошая акустика и никто не мешает».

Но была одна запись, которая заставила Петра замереть.

Свидетель № 14: Петрова Елена Сергеевна, 34 года, преподаватель консерватории. Показала: «Я видела Егора за неделю до смерти в компании мужчины. Мужчина был в чёрном

пальто, высокого роста, лица не запомнила. Они разговаривали у служебного входа. Мальчик выглядел счастливым. Я окликнула его, но он не обернулся».

Дальше — приписка следователя: «Свидетель больше на связь не выходила. По месту регистрации не проживает. Местонахождение неизвестно».

Пётр перечитал фамилию: Петрова Елена Сергеевна. Преподаватель консерватории. Та же консерватория, где учились Алиса и Вероника. И где сейчас, возможно, работает кто-то ещё.

Он сфотографировал все страницы на телефон, аккуратно сложил папку и вернул смотрительнице.

— Вы не знаете, куда делось вещественное доказательство? Подвеска в виде скрипичного ключа?

— Всё, что изъяли с места происшествия, хранится в вещном отделе при полиции. Но это дело закрыли как несчастный случай, — она пожала плечами. — Могли и утратить.

Пётр вышел на крыльцо. Дождь прекратился, но небо оставалось свинцовым. Он набрал номер Ветровой.

— Алина Сергеевна, у нас есть свидетель по делу Морозова — Петрова Елена Сергеевна, преподаватель консерватории. Проверьте, работает ли она там сейчас.

Ветрова пощёлкала клавишами.

— Петрова Елена Сергеевна, профессор кафедры струнных инструментов. Работает до сих пор. Только возраст не 34, а 56. Но это бывает — свидетели часто занижают возраст в протоколах. Адрес тот же, что в протоколе. Значит, она никуда не исчезала. Странно.

— Очень странно, — согласился Пётр. — И я поеду с ней поговорить.

— Осторожнее. Если она связана с Маэстро, это опасно.

— Я помню.

Он сбросил звонок. Руки замёрзли, но он не чувствовал холода. Мысли вертелись вокруг одного: свидетель, который «исчез» по документам, но на самом деле спокойно работает в консерватории. Подвеска-улика, которую «потеряли». И мальчик, который просто хотел играть в тишине.

Ты копаешь глубже, следователь. Молодец. Но земля — мягкая. Она всегда пахнет сыростью и червями. Я люблю этот запах.

Маэстро сидел в своей машине в переулке за архивом. Он видел, как Пётр вышел, как долго стоял у колонны, как звонил начальнице. Бедный, бедный детектив. Он не знает, что Елена Сергеевна — никто. Просто женщина, которая закрыла глаза за деньги. Их много таких. Он даже не помнил её лица, когда передавал конверт.

Важнее другое. Архив разбужен. Значит, скоро начнут задавать вопросы. Может быть, придётся навестить отца в больнице? Или... навестить самого детектива по-настоящему.

Маэстро достал из кармана ещё один бронзовый ключ — точно такой же, как тот, что оставил на запястье Егора. Полюбовался им на свету. Потом опустил стекло и выбросил ключ в сугроб. Пусть находят. Игра становится интереснее.

Консерватория встретила Петра торжественной тишиной. Белые колонны, лепнина, портреты композиторов в золочёных рамах. Здесь даже шаги звучали иначе — глубже, торжественнее. Он поднялся на третий этаж, где располагалась кафедра струнных инструментов.

Дверь с табличкой «Проф. Е. С. Петрова» была приоткрыта. Пётр постучал и вошёл.

Женщина за столом подняла голову. Ей было лет пятьдесят с небольшим, но она выглядела моложе: ухоженное лицо, дорогой свитер, волосы собраны в пучок. Ничего общего с той, кто давала показания два года назад как «34 года»? Но возраст можно скрыть — косметика, хорошая генетика, деньги.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна, — Пётр показал удостоверение. — Я из полиции. Можно задать несколько вопросов?

Она не вздрогнула, не побледнела. Только отложила ручку и сложила руки на столе.

— По какому поводу?

— По поводу Егора Морозова. Вы давали показания как свидетель по его делу два года назад. Ваша фамилия Петрова, вы тогда указали возраст 34 года и адрес, который совпадает с вашим нынешним.

Она помолчала. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая не касается глаз.

— Понимаете, я не помню никакого следствия. Возможно, кто-то воспользовался моими документами. Или вы ошиблись.

— Ваша подпись в протоколе. Экспертиза подтвердит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.